

Премьеры начала сезона

Афиши — летопись театральной жизни города. Приглядимся же к ним повнимательнее. В глаза сразу бросится такое преобладание названий иностранных пьес. И это невольно насстораживает. Никто, конечно, не возражает против интереса театров к прогрессивной зарубежной драматургии. Новые знакомства обогащают наше представление о мире и людях, вносят творческое разнообразие в театральное-художественную жизнь города.

Однако невозможно строить наш репертуар только из иностранных пьес. Советская драматургия, отечественная классика должны во правду занимать в нем главенствующее место. Ленинградские театры как будто забыли об этом, увлекшись зарубежными произведениями. Но и в этом случае при отборе пьес театры должны были проявлять большую взыскательность. К сожалению, на практике это не всегда бывает так.

На афише нового спектакля Театра комедии нарисован злощастный взгляд человека, противящегося целые плащцы к горлу своей жертвы. Женщина в легком белом одеянии, разговаривающая по телефону, не замечает убийцу. Сейчас совершится преступление!

И убийство происходит. Правда, убивает не он, а она. Убивает случайно, защищаясь от внезапного нападения. Она, конечно, и не подозревает, что истинный злодей — ее собственный «любящий» супруг, который, рассчитывая получить после смерти жены богатое наследство, являл незадачливого бандита. Он же, супруг, довод подтасовыв улики, упрямая жене в тюрьму и подводит ее как убийцу под смертный приговор.

Надо отдать справедливость английскому драматургу Ф. Нотчу, автору пьесы «Телефонный звонок»,

он мастер строить запутанную интригу, вести ее по всем правилам детективной литературы.

Надо полагать, что театр стремился прочесть пьесу «Телефонный звонок» как сатирическую комедию. Однако ни пафоса отрицания, ни следы утверждения нет в спектакле, поставленном режиссером П. Сухановым. Во имя чего, во славу кого существует этот спектакль? Кому мы должны сочувствовать, кого ненавидеть? Сочувствовать, конечно, надлежит несчастной жене и ее верному другу — писателю. Артистка К. Гурешкина и артист Е. Жаров добросовестно переживают все, что им положено по пьесе. Но ведь, в сущности, их герои лишены характеров, они лишь объекты и двигатели интриги.

Незавидеть, конечно, следует злодея-мужа. Но и этого как-то не хочется делать. И не потому, что артист В. Чобур не лишает его обаяния. Даже не потому, что сценическое поведение персонажей так обыденно, что утрачивается ощущение сатирического жанра спектакля. Первопричина — в драматургии.

Не без тревоги хочется спросить: зачем театр, поставивший недавно умный спектакль о сказочном и одновременно таком обыкновенном чуде любви, остановил теперь свой выбор на типичном буржуазном детективе, не несущем в себе ничего человеческого ценного?

Спектакль Театра имени Ленсовета «Ночной переполох» тоже начинается с убийства. После «Телефонного звонка» невольно путаешься: неужели предстоит увидеть еще один вариант подобной пьесы? Но опасения быстро рассеиваются. На этот раз мы встретимся с произведением содержательным.

У себя на родине во Франции, драматург Марк Жильбер Соважон хорошо известен: «Ночной переполох» был постав-

лен в Париже в 1951 году. Советский зритель знакомится с этой пьесой впервые. Переведенная легитимными В. Метальниковым и Н. Рыковой, она утвердилась на сцене Театра имени Ленсовета.

В спектакле совпали сильные стороны дарованного автора и режиссера. Едкая и чуть холодноватая ирония Н. Акимова, его любовь к сценическому парадоксу как средству сатирического разоблачения, с одной стороны, и остроумная беспощадность в изображении характеров у Соважона, с другой, на протяжении почти всей постановки слились воедино. Там, где это слиние полное, и режиссер и актеры добиваются беспорочных побед.

Истинный герой пьесы — обывной король и миллионер старый Сидриен Вареско — убит при поднятии занавеса, зритель ни разу не встречается с ним. Но Сидриен живет в своих жертвах — красноречиво и далекоуслышными им людьми. Удачны некоторые сценические портреты членов семьи Вареско, остроумно решенные, окрашенные в спектакле тонкой режиссерской иронией. Это, в первую очередь, старший сын Вареско — Фредерик (артист П. Панков). Лицемерие и фальшь — в каждом жесте и слове Фредерика. Он и смешон, и жалок, и отвратителен одновременно.

Сила Соважона — в отрицании. А его попытка найти и утвердить его положительного героя, разрешить социальный конфликт гораздо менее обоснованы и художественно доказательны. Театр мог кое-что досказать за автора, но не сделал этого.

Разве не интереснее было бы поискать определенный характер для Каролины — дочери мастера, чем произносить ее в односторонне антиматерийской нотации? Режиссер как бы уходит от сложности характера, он подмечает и затем изобретательно варьирует и нем по пре-

муществу одну черту, опуская остальные. Так же трактуются характеры Армана и его жены Гертруды. Если бы постановщик и актеры хотя бы где-то приняли всерьез стремление автора показать духовное одиночество этих людей, их потуги мечты, робкие, беспомощные попытки делать добро, то образы Армана и Гертруды оказались бы самым страшным обвинением миру Вареско. Правда, тогда в комедии вторглась бы драма. Но, на наш взгляд, элементы драмы только усилили бы обличительный пафос комедии, обогатили бы выразительные средства исполнителей. Думается, что режиссерская язвительная усмешка Н. Акимова, пронизывающая весь спектакль, помогла артисту П. Панкову, во А. Корвету, играющей Гертруду, и Д. Бессонову (Арман) она чуть-чуть помешала.

Эта ирония помогла нам посмеяться над страшным и уродливым, но она же заслонила от нас и достойное сочувствие. Спектакль сверкает остроумием, но иногда кажется, что ему не хватает человечности. Он по-настоящему комедия, однако, пьеса богаче оттенками жанра.

Итак, на наш взгляд, «Ночной переполох» — интересный спектакль, хотя режиссерская трактовка пьесы порой спорна. Ясно одно — эта постановка показала, что комедия Соважона, не определяя лица репертуара нашего театра, имеет право на свое место в нем.

В спектакле Большого драматического театра «Шестой этаж» показана последняя жизнь ничем не примечательных обитателей одной из парижских мансард. Но театр увидел за мелочными заботами скучного быта этих людей их большое сердце. И расказал о них с улыбкой доброй, порой чуть насмешливой, иногда грустной, так же просто и задушевно, как поет свои песни о Париже Ив Монтан.

«Я очень возвышенная натура», — с гордостью сообщает новому жильцу жена художника — Жермен и при этом потешается пониже своим.

Нет, она совсем не возвышенная, эта маленькая парижаночка, очень живая и земного вульгарная, сущая всюдю своей индивидуальности. Но именно эта Жермен (артистка Л. Макарова), смешная в наивном титговении к «красивому», подлинно прекрасная своей человечностью, — живая душа спектакля, поставленного Г. Товстоноговым.

Пьеса А. Жери не комедия, но режиссер постоянно посмеивается над попытками обитателей шестого этажа создать себе иллюзорный мир мечтаний. Он развенчивает вымышленную красоту и даже озорно спорит с ней. Овла такая сцена, как «героическая оборона» шестого этажа, с баррикадой из домашних вещей и помоек, льющимися на голову «врагов», способна качеством сыграть всю романтику. И все-таки она есть в спектакле, но уже не придуманная, а подлинная романтика честных сердец.

В сцене, когда верный Шарль (артист К. Лавров) поднимает на руки девушку, обманутую другим, бережно несет свою невесту по лестнице, сопровождаемый всеми постоянными жильцами шестого этажа, развитие гуманистической темы спектакля достигает своей высшей точки. Исчезает добродушно-ироническая улыбка, на миг встает патетика, но этот миг освещает весь спектакль. Гуманистическая тема, ставшая в нем основной, искупает известную ограниченность социальной проблематики пьесы.

Итак, сезон начался. Радуют его победы, огорчают поражения. Невольно тревожит самый репертуарный курс, взятый ленинградскими театрами. Но рая уж открытие сезона прошло под знаком только иностранной пьесы, этот выбор пьес должен был быть более продуманным и оправданным. Мы рады хорошим пьесам прогрессивных авторов, но не надо быть беспечными, иначе хуже, вредно может сказаться наше искусство за горло своими цепкими пальцами.

Т. МАРЧЕНКО